

Софія. Проблемы духовной культуры и религиозной философии под ред. Н. А. Бердяева при ближайшем участии Л. П. Карсавина и С. Л. Франка. Книга I. Берлинъ. 1923. Стр. 190.

Какъ по основному ядру своихъ сотрудниковъ, такъ и по своимъ устремленіямъ этотъ новый органъ религиозной философии является прямымъ продолженіемъ московскаго «Пути», вокругъ котораго до революціи и войны группировались тѣ представители русской философской мысли, которые тяготе́ли къ идущей отъ славянофиловъ, К. Леонтьева и Вл. Соловьева традиціи и общій обликъ которыхъ означается терминами онтологизмъ, интуитивизмъ, органическое міросозерцаніе, религиозная философія.

Сама редакція слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ задачу изданія и оправдываетъ избранное ею для него имя. «Необходимо обращеніе внутрь, движеніе въ глубину, необходимо болѣе духовное и мудрое отношеніе къ жизни, освобождающее отъ духовъ злобы и мести, отъ кроваваго кошмара... Есть періоды въ жизни народовъ, когда прежде всего должна вестись духовная война. Мы живемъ въ такой періодъ. Въ сегодняшній день исторіи необходимо утверждать приматъ духовной культуры надъ всякой политикой. Необходима глубокая духовная реакція противъ такъ долго господствовавшаго внѣшняго, политическаго отношенія къ жизни... Возстановленіе и обрѣтеніе внутренней духовной цѣлостности и есть истинный путь къ преодолѣнію внѣшняго кроваваго раздора людей, классовъ и народовъ... Русская, религиозно-направленная философская мысль всегда стремилась къ духовно-цѣлостному знанію, къ знанію живому и органическому... Философія, въ основѣ которой лежитъ Софія, должно противопоставлять философіи, въ основѣ которой лежитъ отвлеченный разумъ или разсудокъ... Раскрытіе Софійнаго начала въ духовномъ строеніи человѣка есть наша основная задача. Изъ этого лишь можетъ исходить премудрое отношеніе къ жизни... Христіанскій духъ во всемъ мірѣ долженъ быть творчески возрожденъ и обновленъ, или міру грозитъ распадъ и духовная смерть, симптомы которой уже слишкомъ явственны. «Софія» ставитъ своей цѣлью въ мірѣ своихъ силъ служить дѣлу духовнаго возрожденія Россіи. Цѣль «Софіи» не только философско-познавательная, но и духовно-актуальная: она борется за духъ и духовную жизнь».

Сборникъ открывается статьей *С. Л. Франка*: «Философія и религія». Авторъ исходитъ изъ критики того поверхностнаго «просвѣтительскаго» пониманія взаимоотношенія обѣихъ, которое разграничиваетъ области философіи и религіи какъ область строгаго знанія, съ одной стороны, и слѣпой вѣры, съ другой. «Въ основѣ всякаго философскаго знанія лежитъ религиозная интуиція», гово-

рять Франкъ. Съ другой стороны, и въ основѣ религіозной вѣры лежитъ ощущение живого прикосновенія къ божественному. Такимъ образомъ философія и религія «совпадаютъ между собою въ томъ отношеніи, что обѣ онѣ осуществимы лишь черезъ живое опытное усмотрѣніе Бога». — Поскольку Франкъ говоритъ о божественномъ, какъ объ абсолютномъ началѣ міра, которое имѣли въ виду и Гераклитъ, и Сократъ, и Платонъ, Мальбраншъ и Спиноза, трудно съ нимъ не согласиться. Но именно эта безспорность его утвержденія не способна удовлетворить читателя. Въ концѣ концовъ, вѣдь не только философія «осуществима черезъ живое опытное усмотрѣніе Бога», но и нравственное дѣйствіе и художественное творчество въ ихъ высшихъ проявленіяхъ. Именно потому, что въ основѣ *всякой* духовной дѣятельности лежитъ «опытное усмотрѣніе Абсолюта», простого возведенія къ Абсолюту недостаточно. Чтобы установить взаимоотношенія философіи и религіи, необходимо показать, въ чемъ заключается *специфическій* подходъ каждой изъ этихъ областей къ Абсолюту. А для этого надо понять ихъ въ ихъ относительности и ущербности. Франкъ самъ признаетъ, что «философское знаніе отстаетъ отъ достиженій непосредственнаго религіознаго проникновенія въ глубины бытія». То же самое склоняетъ онъ, повидимому, признать и относительно «положительныхъ религій», которыя хотя и «усложняютъ и обогащаютъ» религіозное сознаніе, но всё же закрѣпляютъ его въ нѣкоторую *относительную* форму, ибо и въ отношеніи философіи Франкъ врядъ ли рѣшится сказать, что она «упрощаетъ и объединяетъ» религіозное сознаніе. Здѣсь какъ разъ и заключается центръ вопроса о взаимоотношеніи философіи и религіи. Франкъ только подводитъ къ нему, ограничиваясь отвлеченнымъ установленіемъ тождества предмета обѣихъ. — Такой же чрезмерной безспорностью, пронизывающей отъ крайней общности высказываемыхъ ею положеній, отличается и другая статья въ сборникѣ на близкую къ первой тему, статья *И. А. Ильина*: «Философія и жизнь». Блестяще сдѣланныя, изобилующія отточенными формулами, она стремится доказать, что философія есть опытное знаніе, и что опытъ, лежащій въ ея основѣ, есть нечувствительный опытъ духовнаго характера. Поэтому философъ долженъ «выработать въ себѣ умѣнье внимать сверхчувственному предмету», для чего «необходимо осуществлять въ постоянной внутренней работѣ особое *очищеніе ума и души*». «Философія есть культивированіе религіознаго содержанія, но въ иной формѣ», чѣмъ его культивируетъ религія. Последняя «пребываетъ въ аффективно-иррациональномъ переживаніи», первая принимаетъ «форму систематическаго опыта и разумнаго, очевиднаго и адекватнаго, мыслящаго

познанія». Всё это безспорно, особенно если понимать философію въ томъ широкомъ смыслѣ слова, который уполномочиваетъ Ильина сказать: «Каждый человѣкъ, независимо отъ своего образованія и личной одаренности, становится участникомъ національнаго философскаго и метафизическаго дѣла, поскольку онъ въ жизни своей ищетъ истиннаго знанія, радуется художественной красотѣ, вынашиваетъ душевную доброту, совершаетъ подвигъ мужества, безкорыстія или самоотверженія, молится Богу добра, растетъ въ себѣ или въ другихъ правосознаніе и политической смыслъ, или, даже, просто борется со своими, унизжающими духъ слабостями». «Такой человѣкъ», говоритъ Ильинъ, по сознанію своему можетъ быть еще не является философомъ, но по духовному опыту своему — онъ уже философъ». Но тѣмъ именно философъ отличается всё таки отъ «ищущаго истиннаго знанія ученаго» и отъ просто добродѣтельнаго человѣка, — Ильинъ такъ и не говоритъ. Немнодо досадуетъ на автора за то, что столь много стилистическаго совершенства потрачено имъ не на расширеніе духовнаго опыта читателей, а на проповѣдь этотъ опытъ расширять. — Центральной статьёй сборника является несомнѣнно статья *Н. А. Бердяева*: «Конецъ Ренессанса», основная тема которой развита авторомъ болѣе подробно въ его недавно вышедшей книгѣ «Смыслъ исторій». Хотя авторъ и начинаетъ съ того, что «школьное дѣленіе исторій на древнюю, среднюю и новую скоро устарѣетъ и будетъ изгнано изъ учебниковъ», онъ въ сущности его именно кладетъ въ основу своей философско-исторической концепціи съ тѣмъ только различіемъ, что «новая исторія» по его мнѣнію кончается, и «начинается новѣдомая, не имѣющая еще имени историческая эпоха». Существо Ренессанса заключается, по мнѣнію Бердяева, въ его индивидуализмѣ, въ отрывѣ отъ органическихъ началъ жизни, въ провозглашеніи имъ идеала чистой, на себѣ самой покоящейся человѣчности. Это традиціонное пониманіе сущности Ренессанса является, однако, для Бердяева только исходнымъ пунктомъ. Цѣль его — показать внутреннюю діалектику Ренессанса — саморазрушеніе индивида и человѣчности, оторвавшихся отъ сверхличныхъ и сверхчеловѣческихъ началъ. Ибо «таковъ законъ жизни: человѣческая индивидуальность крѣпка, цвѣтуща и содержательна, когда она признаетъ, сверхличныя и сверхчеловѣческія реальности и цѣнности и подчиняетъ себя имъ; человѣческая индивидуальность разслаблена, опустошена и отцвѣтаетъ, когда она ихъ отрицаетъ». Эта въ существѣ своемъ правильная и глубокая мысль даетъ поводъ Бердяеву къ цѣлому ряду мѣткихъ характеристикъ, особенно современности, означающей для него утрату индивидомъ самого себя, отказъ его отъ самого себя, что особенно проявляется, по его

мирію, въ коммунизмѣ. Относясь къ Ренессансу отрицательно, Бердяевъ хочетъ признать, однако, и его вѣчную правду. Одно-сторонне подчеркнутый имъ моментъ автономіи и человѣческой свободы долженъ войти въ то новое органическое и религиозное міровоззрѣніе, которое предіосится Бердяеву какъ идущее на смѣну современности. Постольку эготъ будущій духовный строй отнюдь не долженъ повторить собою средневѣковой теократіи. Но въ чемъ заключается положительная вѣчная правда Ренессанса, въ какой мѣрѣ свобода должна сочѣтаться со сверхчеловѣческимъ, божественнымъ началомъ, — такъ и остается невыясненнымъ. По Бердяеву все-таки получается, что историческое значеніе Ренессанса исчерпывается тѣмъ, что человѣчество должно было пройти черезъ Ренессансъ для того, чтобы на опытѣ познать грѣховность и ложность утверждавшагося имъ пути.

Послѣ статьи Бердяева, выдающаго въ социализмѣ завершеніе ложнаго индивидуализма Ренессанса, страшно читать статью *Н. О. Лосского*: «Коммунизмъ и философское міровоззрѣніе». Въ противоположность Бердяеву Лосскій утверждаетъ, что «коммунизмъ дѣйствительно есть совершенная форма общества, однако полное послѣдовательное осуществленіе его возможно лишь въ царствѣ святыхъ». Ошибка коммунистовъ заключается въ томъ, что они хотятъ немедленно ввести его. На землѣ, «не достигшей Преображенія», возможенъ лишь строй, сочетающій индивидуальное и универсальное начало. До сихъ поръ таковымъ былъ капиталистическій строй, который, однако, «со временемъ безъ сомнѣнія замѣнится какою либо новою формою хозяйства на основѣ единаго плана». Вся статья имѣетъ цѣлью показать, что «осуществленію коммунистическаго строя» содѣйствовать способенъ не материализмъ, пригодный только «для разрушенія старыхъ устоевъ и стараго уклада жизни», а развиваемое авторомъ органическое міровоззрѣніе, стремящееся сочетать индивидуализмъ съ универсализмомъ. — Зачѣмъ Н. О. Лосскому понадобилось подобными аргументами защищать свою философскую теорію? Развѣ только, чтобы, какъ онъ самъ говоритъ, выолнить обѣтъ, данный имъ еще десять лѣтъ назадъ и всё время отладывавшійся имъ исполненіемъ въ виду «тягостно скучнаго» характера темы. — Въ противоположность изложеннымъ статьямъ, написаннымъ чрезвычайно популярно, статья *Л. Н. Карсавина*: «Путь Православія» выдѣляется своимъ мудренымъ изложеніемъ. Очень интересная по замыслу (авторъ исходитъ изъ глубоко продуманнаго имъ понятія всеединства), она, однако, не приводитъ ни къ какимъ ясно формулируемымъ результатамъ. Существо православія и преимущество его передъ другими христіанскими исповѣданіями авторъ видитъ въ

его «пасивности, косности», въ силу чего православная церковь «ничего не прибавила» къ настѣдью древнѣйшей церкви. Вместе съ тѣмъ Каравинъ считаетъ, что самодержавіе «вполнѣ правильно» почиталось православною церковью за лучшую изъ возможныхъ формъ государственности, почему крушеніе его было катастрофою и для церкви. Однако, онъ также и противъ тѣхъ, кто «нагло отрицаютъ революцію». Ибо въ злѣ революціи есть и «добрые мотивы, въ немъ искаженные». Въ частности и порожденная революціей «живая церковь» есть «жертва неправильно понятого, но исконно-православнаго сознанія того, что церковь есть все и должна быть церковью дѣятельною и дѣйственною». — Весьма импрессионистически написана также и статья *П. Сувчинскаго* «Мирозозерцаніе и искусство». Исходя изъ того же понятія всеединства (какъ «вертикальнаго» отношенія каждаго момента времени къ вѣчности), авторъ особенно обрушивается на романтизмъ, въ которомъ видитъ основное зло современной культуры и къ которому онъ сводитъ все то, что ему не правится въ ней: матеріалистическую метафизику, социалистическій утопизмъ, католичество, символизмъ и импрессионизмъ, замѣну знаменнаго расгѣва западно-европейскими музыкальными формами и многое другое.

Въ сторонѣ отъ другихъ статей, какъ всегда, мастерски написанная статья *П. Новгородцева*: «Демократія на распутьи». На дѣломъ рядѣ ярко подобранныхъ примѣровъ характеризуетъ авторъ кризисъ современной демократіи, въ опредѣленіи существа которой онъ примыкаетъ къ извѣстной формулѣ Кельзена, опредѣляющаго демократію какъ «систему политическаго релятивизма». Путь выхода изъ кризиса авторомъ, однако, только намѣчается въ самыхъ общихъ чертахъ. Новгородцевъ откладываетъ рѣшеніе вопроса до слѣдующаго изслѣдованія.

Кромѣ отдѣла статей въ сборникѣ номѣшенъ очень интересный отдѣлъ обзоровъ, посвященныхъ духовной жизни въ Россіи и на Западѣ. Изъ нихъ выдѣляются очеркъ *Бердяева* о живой церкви и религіозномъ возрожденіи Россіи, въ которомъ разсѣяно много мѣткихъ и справедливыхъ мыслей о революціонерахъ слѣва и справа, обзоръ *Л. Каравина* о религіозномъ социализмѣ въ Германіи и прекрасно написанный, вдумчивый обзоръ *В. Сеземана* о новѣйшей германской философской литературѣ. Сборникъ заканчивается рядомъ рецензій на новыя книги, выборъ которыхъ по выдѣшнимъ труднымъ для библиографіи временамъ по необходимости носитъ случайный характеръ. — Лежащій между «Путемъ» и «Софіей» духовный опытъ войны и революціи, философское осознаніе котораго составляетъ, по словамъ редакціи, прямую задачу заданія, заставляетъ ожидать новыхъ словъ, по крайней мѣрѣ раз-

внѣя старыхъ идей на новомъ матеріалѣ, что только и можетъ придать имъ внутреннюю силу и убѣдительность. Въ этомъ отношеніи содержаніе перваго сборника разочаровываетъ читателя. Всѣ центральныя статьи сборника послѣ отвлеченнаго, чисто программнаго характера и, въ противоположность чаемому авторами онтологизму, не столько выражаютъ въ философскихъ терминахъ новый духовный опытъ, сколько говорятъ о томъ, чѣмъ *должна* быть онтологическая философія. Въмѣсто того, чтобы пребывать въ самомъ предметѣ, они говорятъ о способахъ подхода къ нему или просто утверждаютъ необходимость для философіи пребыванія въ немъ. Поэтому, они по преимуществу только методологичны, только подводятъ къ предмету, ограничиваются намеками и предчувствіями. Отсюда и весь не столько изслѣдовательскій, сколько философско-публицистическій характеръ сборника.

Sergius

„Russia“. Rivista di letteratura, arte, storia. Diretta da Ettore Lo Gatto. 1928. I.

Міръ спасаютъ энтузіасты... Нигдѣ этого не вспоминаешь съ такой силой, какъ на улицахъ Рима, гдѣ столько энтузіазмовъ оставили свой вѣчный слѣдъ. Въ Италіи нынѣшней, кажется такой счастливой, кажется такой спокойной, послѣ явно несчастливой и явно встревоженной Германіи, иностранецъ, путешественникъ былыхъ временъ, сильно уменьшился въ числѣ, но не вывелся вовсе. Нѣтъ скромныхъ нѣмецкихъ и шведскихъ съ дорожными мѣшками, нѣтъ сантиментальныхъ австрійскихъ паръ, нѣтъ прежнихъ русскихъ. Нѣтъ шумныхъ русскихъ экскурсій, которыя звали итальянцы русскими караванами, и самое ихъ пристанище — многимъ памятная римская остерія, Roma Sparta не существуетъ болѣе. Иностранцы, однако, идутъ къ Италіи, пейзажу Рима они нужны.

Становится веселѣе, когда видишь, что по Форуму все же бродятъ ихъ одинокія или сгруппированныя фигуры. Ватаги англійскихъ миссъ, компаніи голландцевъ или скандинавовъ, еще встрѣчаешь подъ аркой Тита или въ термахъ Каракаллы. Не умолкаетъ ломанная рѣчь гидовъ, подтвержденная краснорѣчивѣйшей жестикюляціей. Путешественники, внимающіе этой легендѣ Рима, послушно, какъ по командѣ, глядятъ куда-то вверхъ. Куда-то машутъ они руками, показываютъ зонтами и палками. Ахъ, не будемъ смѣяться надъ этими издалика компическими группами! Ихъ жестъ — жестъ персонажей съ гравюръ Пирапези, жестъ кладонскателей спиритуальныхъ кладовъ, жестъ вѣчныхъ энтузіастовъ. А энтузіасты спасаютъ міръ.